

УДК 821. 161. 1 – 1

СВЕТЛАНА ЛАРИОНОВА

(Полтава)

ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Ключові слова: мотив, духовна поезія, образ, жанр.

В поэзии Николая Клюева и идущих вслед за ним других новокрестьянских поэтов мощно забил родник живой народной речи. Основным материалом стало самобытное, крестьянское, архаическое, старопечатное слово.

Путь Н. Клюева в литературу был далеко не ровным. Особенно это ощущалось после поражения первой русской революции. Именно тогда в его творчестве усилились религиозные мотивы. Тут немалую роль сыграло воспитание, которое поэт получил в старообрядческой семье. К матери, по признанию поэта, восходят не только истоки религиозно-нравственных основ его личности, но также и его поэтического дара. Поэт сделался певцом народной лирики и эпоса, тесно соприкасавшихся с древней мифологией.

Целью нашей статьи является изучение религиозно-духовных и нравственных мотивов поэзии Николая Клюева.

Для достижения нашей цели мы поставили себе ряд заданий: выделить и изучить религиозно-духовный пласт поэзии Н. Клюева; определить ряд факторов, влияющих на религиозное мировоззрение поэта; показать влияние этих факторов на его творчество. Объектом нашего исследования является духовная поэзия Николая Клюева. Предметом исследования – религиозно-духовные мотивы клюевской поэзии.

Творчество Н.Клюева стало объектом изучения сравнительно недавно. Из значительных работ, появившихся в 1990-е годы, выделяются книги «Николай Клюев: Путь поэта» (1990) К. Азадовского, «Китежский павлин» (1992) Н. Солнцевой, «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» (1997) Е.И. Марковой, а также ряд статей исследователей клюевского творчества – Л. Киселёвой, Е. Марковой, А. Михайлова, С. Семёновой и С. Субботина и др.

В 1912 году вышел сборник стихов «Братские песни», составленный, по утверждению поэта, из текстов, сочиненных еще в бытность его юным «царем Давидом». Появлению сборника способствует сближение Н. Клюева с «гогофскими христианами» (революционно настроенной частью духовенства, призывавшей к личной, подобно Христу, ответственности за зло мира, издававшей журналы «Новая жизнь», «Новое вино») [1, с. 49].

В этот период в поэзии Клюева формируются три смысловых и стилистических потока: стихи, религиозные гимны и песни – не стилизация под фольклор, а сотворенный песенный пласт, органически существующий в музыкальной и обрядовой стихии Русского Севера. Одна из характерных черт поэзии Клюева – органическое совмещение в едином творческом мире мотивов, кажущихся несовместимыми. По сути, он явил в русской литературе XX века отношение к Слову, свойственное летописцам и проповедникам дониконовской Руси – стихотворения, проза, публицистические статьи, письма, дарственные надписи на книге – все это в клюевском мире лишь разные ипостаси одного текста.

Н. А. Клюева часто называют приверженцем старины, хранителем «избяного рая». Действительно, в своих произведениях автор нередко выступал сторонником незыблемого крестьянского быта, его патриархально-религиозных порядков, веками складывавшихся в русской деревне. Особенно это заметно в стихах раннего периода, вошедших в сборники «Братские песни» и «Мирские думы». Художественная система названных книг насыщена мистической обрядовой символикой и древней фразеологией. Языку поэта свойственна велеречивая библейская архаика (пламень, шестикрыл, судный жертвенник, десница, серафим и т.д.).

Автор явно ориентировался на книжную речь, когда обращался к теме фантастических представлений и вымыслов. Свои образы и мотивы он черпал преимущественно из письменных церковных источников. Художественная система таких стихотворений создавалась на основе мифологического романтизма, не допускающего четкого разграничения между живым и неживым, реальным и воображаемым. Например, лирический герой произведения «Я был в духе в день воскресный...» утверждает, что он слышал голос Архистратига и

*«Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перст» [4, с.110].*

В этом случае поэтическое изложение, насыщенное мистической обрядовой символикой и старой фразеологией и лексикой, обычно строилось в виде наглядно-зримой сценки:

*«Горние звезды как росы.
Кто там в небесном лугу
Точит лазурные косы,
Гнет за дугою дугу?..*

*Будьте ж душой непреклонны
Вы, кому свет не погас,
Ткут золотые хитоны
Звездные руки для вас» [4, с. 111].*

Разумеется, и эта сценка, и само событие, которое якобы происходило вокруг нее, целиком принадлежали вымыслу автора. Сюжеты возникали под его пером на основе сказаний и притчей из Евангелия, Библии и других церковных книг или на основе рассказов людей религиозного круга. При этом нередко в повествование автора входили мотивы и образы из народных легенд, сказок, былин и преданий. В результате элементы бытового фольклора естественно соединялись с элементами условно-мистическими, образуя единый монолитный сплав.

В поэтическом мире Николая Клюева природа неотделима от храма, а храм от природы, которая в его мире настолько одухотворена, что, кажется, живой Христос незримо проходит среди русских дубов и берез, вязов и кленов, и сам лес становится алтарем, а в его шуме слышатся звуки ектении: «В златотканые дни сентября / Мнится папертью бора опушка. / Сосны млятся, ладан курия, / Над твоей опустелой избушкой» [4, с.137].

Николай Клюев наделяет пейзаж элементами мистической, церковной визионности. Природа в таком случае приобретает ореол таинственного инобытия:

*«Набух, оттаял лед на речке,
Стал пегим, ржаво-золотым...
В кустах затеплилися свечки
И засинел кадилный дым»
(«Набух, оттаял лед на речке...») [4, с.172]*

Эстетическое восприятие родного края соединяется в пейзажной лирике Н.Клюева с ощущением Божественной благодати, поскольку за свое тысячелетнее существование православная вера и культура вполне уже стали природой русского человека и в глубине его сознания взаимопрониклись с исконно существующими в нем образными представлениями о природе естественной. Глубоко религиозное чувство и не менее глубокое чувство природы являются основополагающими началами его личности.

При этом обе поэтические материи (природного мира и христианской духовности, храма) поэт тонко сближает в точках их наибольших соответствий, например, цветовых: первые весенние листочки – церковные свечки, божница – кувшинковый цвет, душа – сизый северный гусь, белизна березовых стволов – бледность лиц монастырских отроков и монахинь, позолота иконостаса – желтизна осеннего леса, киноварь на иконе – заря, голубой цвет на ней – небесная синева, человеческая жизнь – свеча, сторающая перед иконой, но вместе с тем также и перед ликом лесов [5, с. 56].

Для творчества Николая Клюева характерна концепция двоemiрия, согласно которой видимая реальность рассматривалась лишь как тень или отражение реальности внутренней и сокровенной. Соответствие этому собственному поэтического образа поэт часто подчеркивает напоминанием о том, что в его стихах имеются «строк преисподние глубины». Тема духовной глубины явления или предмета последовательно развивается им на протяжении всего «Песнослава»: «Есть, как в могилах, душа у бумаги...» («Умерла мама» – два шелестных

слова...»); «брачная подушка» представляется поэту «бездонной» («Белая повесть»); «в веретенце», оказывается, можно «нырнуть», и «нитка леха / Тебя поведет в Золотую Орду» («Белая Индия»); в глазах Есенина ему видится «дымок от хат, / Глубинный сон речного ила» («Поэту Сергею Есенину»); его собственный творческий дух обречен «кануть» в чернильницу, чтобы стать затем «буквенным сирином»; «Моря мирского калача / Без берега и дна» («Февраль»); злое предназначение пулемета состоит в том, чтобы «ранить Глубь, на божнице вербу, / Белый сон купальских березок» («Пулемет»).

Сборник «Песнослов» можно рассматривать как поэтические Святцы, обильно насыщенные образами православных, византийских и русских подвижников. Прежде всего, это Богородица, понимаемая здесь как «душа мира», «София» и даже отождествляемая с «Матерью-Землей», и сам Спас, еще более сближаемый поэтом с родной ему «земляной» сущностью. Он наделен такими исключительно крестьянскими эпитетами, как «запечный Христос», «загуменный Христос», Христос, принявший «мужицкий... зрак». У Клюева он чаще всего выступает не в литературно-евангельской, а в более понятной народу иконописной ипостаси (не каждый умел читать, но видеть образ мог всякий). Атрибуты иконописного изображения в нем проступают прежде всего: «Лик пшеничный с бородой солнцевласой», «раскосый вылущенный Спас», «кумачневый Спас» и т.д. Вот с этим-то Спасом и связывается у Клюева мир крестьянского бытия, мужицкая судьба, вплоть до полного отождествления Христа с крестьянином, что наиболее полное выражение находит в цикле стихотворений «Спас» (1916-1918): «Спас за сошенькой-горбушей / Потом праведным потел...». В крестьянские корни внедряется у Клюева и самая главная, собственно, «спасительная» сущность этого образа: «Снова голубь Иорданский / Над землю воспарил: / В зыбке липовой крестьянской / Сын спасенья опочил» [4, с.291]. Мысль о крестьянском происхождении грядущего «спасителя» самого крестьянства звучит в «Песнослов» (цикл «Спас») весьма определенно. Так, деревенский малец Ерема, что «как олень белоног», и становится как бы «мужицким Спасом»:

*«У мужицкого Спаса
Крылья в ярых крестцах,
В пуге перьев запасы,
Чтоб парить в небесах» [4, с.341].*

И если это пророчество не сбылось в главном («спасителем» русского крестьянства никто не стал), то мысль о «парении» крестьянского сына в небесах все-таки оправдалась в судьбе родившегося как раз в деревенской избе первого в мире космонавта Ю. Гагарина.

Клюев не подражает народной песне или былине, а творит по ее подобию оригинальные произведения («Обидин плач», «Песня о Соколе и о трех птицах Божиих»). Также он создает религиозный гимн, а не подражает уже известным образцам («Путь надмирный совершая...», «Брачная песня», «Радельные песни»). В 1913 выходит его книга стихов «Лесные были», где перед нами предстает уже не поэт откровения и мистических прозрений, а певец северной деревни, глухих олонецких лесов. Здесь особенно густой концентрации достигает его олонецкий говор, органически вплетенный в классический метр русской силлаботороники:

*«Водянице стожарную кикку:
Самоцвет, заренец, камень-зель.
Стародавнему верен навьку,
Прихожу на поречную мель.
Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем щек,
Ивы шепчут: «Сегодня с красною
Поменялся кольцом Солнопек.
Подарил ее зарною кикой,
заголубил в ночном терему...»
С рожи тянет смолой, земляником,
даль и воды в лазурном дыму» [4, с. 163]*

В 1916 Ключев написал цикл «Земля и железо», где поэтическое слово обретает свою изначальную Божественную природу («Звук ангелу собрат, бесплотному лучу») и где мир и дух русской земли предстают, как последний несокрушимый оплот надвигающемуся концу мира – железу, бездушной и расчеловеченной цивилизации, грозящей стереть с лица земли все ее многоцветие, «цветущую сложность». Здесь он воочию являет образ обретенного «цветущий посох»: «Мы внуки земли и огню родичи, / Нам радостны зори и пламя свечи, / Язвит нас железо, одежд чернота, / И в памяти нашей лишь радут цвета» [4, с.293].

Ключеву, без сомнения, были известны рассказы о поисках благодатного края, духовной и физической свободы, о походах старообрядцев вплоть до конца XIX века. Знал он также, что имеется в виду не мифическая, а реальная земля – Индия: «Индийская земля, Египет, Палестина – / Как олово в сосуд, отлились в наши сны. / Мы братья облакам, и савана холстина – / Наш верный поводырь в обитель тишины» [4, с. 310].

К 1916-му году относятся первые его гимны Белой Индии, что входит неотъемлемой составной частью в избяной космос, созданный творческим воображением поэта.

Знакомые с детства реалии обретают космический смысл, вселенское значение, становятся символом вечного счастливого бытия, нисколько не теряя при этом своего земного предназначения, что еще раз подчеркивает реальность существования Града Невидимого в восприятии Ключева. В этом Граде пиршество плоти и духа, вечное бессмертие, мотив которого перекликается с мотивом преодоления смерти. Сокровища мировой философии и культуры, бессмертные творения живописного, музыкального, словесного искусства под пером олонецкого странника становятся в один ряд с нерукотворной красотой северных лесов и восточных пустынь, прелестью русской избы и индийской пагоды. Где же находится этот край чудесный, найденный Град Китеж? Ключев дает точное направление поисков: «На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как душа, адамантовый бор, – / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Через сердце избы, где кончается свет...» [4, с. 307].

В 1919-ом году выходит двухтомник Ключева «Песнослов», включающий в себя и новые произведения, и в переработанном и дополненном виде стихи предшествующих книг. Доминирующая мысль «Песнослава» родственна христианской идее о том, что «мир лежит во зле» и что только через его духовное «преображение» может быть достигнуто всечеловеческое освобождение от су-

ществующих страданий и несовершенства, мир и благоденствие. Но если поначалу такой «преобразующей силой» у Н. Клюева выступало всецело само учение Христа, то теперь на первый план (не вытесняя, впрочем, Христа) выдвигается мир природный и земледельческий – как некий универсальный космос человеческого бытия, как «плоть» и «дух» национальной жизни. Мир тьмы и зла представлен здесь в значительной мере inferнальными образами – от вполне безобидных «запечных бесенят» до самого «властелина» ада, семирогого «Сына бездны» как воплощения и социального зла, и нравственных терзаний души. Но все-таки самым крайним злом, угрожающим «берестяному раю», «избяной» Руси, предстают здесь технический прогресс и урбанизация всей жизни, несущие «органическому человеку» духовное и физическое оскудение, а природе – гибель [1, с. 94].

Остановившаяся на формально-стилистических особенностях, в первую очередь отметим, что специфический колорит поэзии Н. Клюева, её религиозно-философская проблематика создаётся различными способами, в том числе, столкновением религиозной и тюремной лексических групп. С одной стороны, мы воспринимаем поток слов, связанных с религиозными обрядами: ладан, молитва, часовня, Бог, крест; с другой, в наше сознание врезаются мрак, тюрьма, решётка, казематы, кандалы. Объединяющим смысловым фактором выступает философская проблема страдания – боли физической или нравственной, мучения, состояния горя, страха, тревоги, тоски. Как известно, в рамках христианской религиозной традиции, рассматривавшей события индивидуальной жизни как результат взаимоотношений между человеком и Богом, страдание выступало божественной карой за грехи, искуплением. Одновременно страдание – это средство избавления от греха, нравственного совершенствования и спасения [2, с. 87].

В этом видится близость сознания Николая Клюева к экзистенциальной философии его современника М. Хайдеггера, в которой человеческим бытием овладевают смерть и страх.

Итак, Н. Клюев был носителем мировоззрения, опирающегося как на православие, так и на другие древние религиозные представления (близкие к христианству) крестьянства. Поэт стал певцом светлой обители северорусского быта, хранящего заветы предков и чистоту исконной веры. Николай Клюев всегда ощущал силу мощного духовного пласта как основы жизни русского крестьянства, стремясь отразить его верования в своем творчестве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азадовский К. Николай Клюев: путь поэта / К. Азадовский. – Л., 1990.
2. Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX в. / В. Г. Базанов. – Л. : Наука, 1988. – 309 с.
3. Киселева Л. А. Русская икона в творчестве Николая Клюева / Л. А. Киселева // Православие и культура. – К., 1996. – № 1. – С. 46–65.
4. Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев ; пред. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и прим. В. П. Гарнина. – СПб. : РХГИ, 1999. – 1072 с.
5. Субботин С. И. Н. А. Клюев: поэзия 1905–1908 гг. и проза 1919–1923 гг. Вопросы источниковедения и атрибуции : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / С. И. Субботин ; Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. – М., 2008. – 30 с.

СВЕТЛАНА ЛАРИОНОВА

ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

В статье анализируется духовная поэзия новокрестьянского поэта Николая Клюева. Изучаются религиозно-духовный и нравственный пласты поэзии, выделяются факторы, повлиявшие на мировоззрение автора, показано влияние этих факторов на творчество Н. Клюева.

Ключевые слова: мотив, духовная поэзия, образ, жанр.

SVETLANA LARIONOVA

SPIRITUAL POETRY OF NIKOLAI KLYUEV

The article analyzes the spiritual poetry of the novokrestyanskij (new peasant) poet Nikolai Klyuev. Religious, spiritual and moral layers of the poetry are studied, factors affecting the worldview of the author are distinguished, the impact of these factors on creativity of N. Klyuev is shown.

Key words: motive, spiritual poetry, image, genre.

Одержано 21.08.2012 р.